

30 ОКТЯБРЯ

№ 99
2010

Эта памятная дата установлена не государством. Тридцатое октября объявили Днем политзаключенного сами узники политических лагерей, боровшиеся за свободу и победившие в этой борьбе. Решение Верховного Совета России от 18.10.1991 г. внесло его в государственный календарь под названием «День памяти жертв политических репрессий». Но это было лишь признанием уже одержанной победы

КСЕНОФОБИЯ, АПОЛОГИЯ ДИКТАТОРА ИЛИ ДОСТОВЕРНЫЕ ФАКТЫ?

6 сентября на заседании комиссии Общественной палаты РФ по межнациональным отношениям обсуждался учебник «История России. 1917–2009», подготовленный профессорами кафедры отечественной истории XX–XXI веков исторического факультета МГУ Александром Барсенковым и Александром Вдовиным. Книга вышла в 2010 году третьим изданием и была рекомендована Учебно-методическим объединением по классическому университетскому образованию (УМО) в качестве учебного пособия для студентов высшей школы по специальности «История».

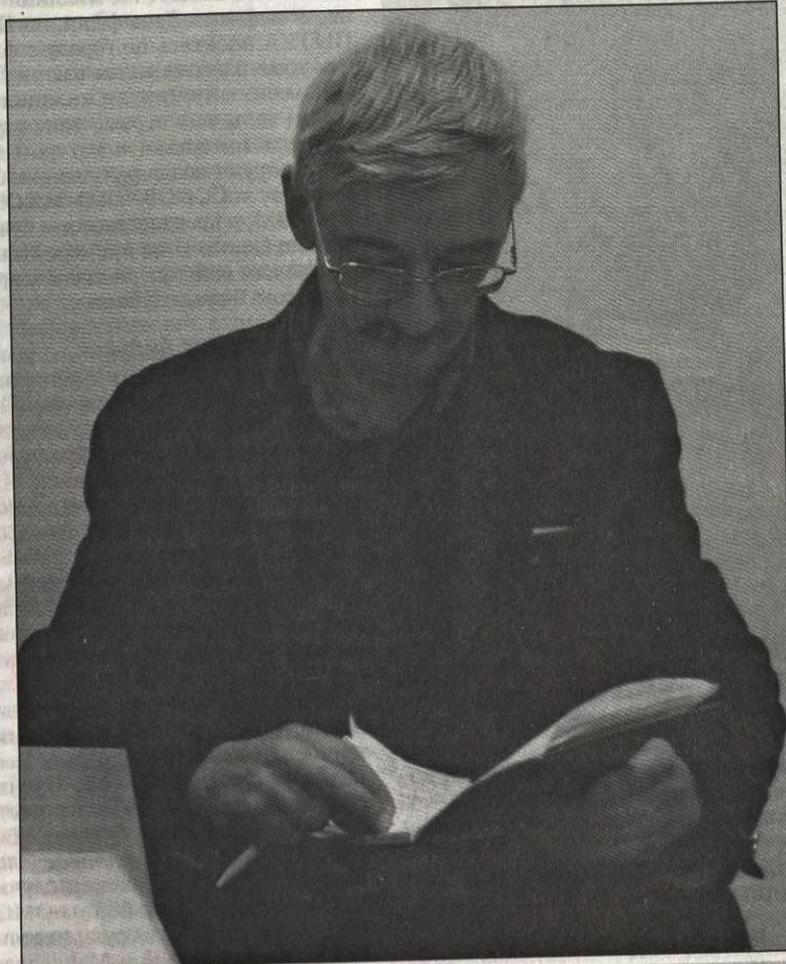
Обыкновенный нацизм

Подводя итоги заседания, председатель комиссии Общественной палаты по межнациональным отношениям и свободе совести Николай Сванидзе отметил, что итоговый документ слушаний будет направлен в Министерство образования, Генеральную прокуратуру, президентскую Комиссию по противодействию попыткам фальсификации истории.

На учебное пособие обратили внимание после того, как в журнале The New Times 21 июня появилась рецензия, которая начинается такими словами: «Учебник для элиты. На исторических факультетах российских вузов будущих историков учат по учебнику, авторы которого не скрывают своих ксенофобских взглядов и одевают в белые одежды Сталина». По информации издания, это учебное пособие востребовано в «элитных вузах» – академиях ФСБ, МВД и других. Об этом журналу сообщил завкафедрой истории Института переподготовки и повышения квалификации МГУ, один из рецензентов учебника профессор Анатолий Уткин.

Критики учебника считают, что главным его недостатком является «озабоченность авторов еврейской угрозой». «Это одна из распространенных националистических версий, которые до сих пор в учебниках не попадали: о том, что большевистская власть – это еврейская диктатура и что это нечто подобное внешней оккупации», – выразил возмущение историк Никита Соколов.

Окончание на с. 9 >



В Хамовническом суде Москвы проходит процесс по обвинению председателя Совета Правозащитного центра «Мемориал» Олега Орлова в клевете на президента Чечни Рамзана Кадырова. Обвинен правозащитник в связи с тем, что 15 июля 2009 года он вложил на Кадырова вину за гибель сотрудницы «Мемориала» в Чечне Натальи Эстемировой (см. подборке №92–95, 98). Орлов может получить до трех лет лишения свободы. Своей вины он не признает.

Напомним, 6 октября прошлого года, рассмотрев гражданский иск о защите чести и достоинства Кадырова к Орлову и ПЦ «Мемориал», суд взыскал в пользу руководителя Чечни с «Мемориала» 50 тысяч рублей и 20 тысяч лично с Орлова.

13 сентября в маленьком зале суда было только четыре скамейки для зрителей. На них смогли усесться 20 человек. Еще с десяток журналистов и зрителей ожидали судебных новостей, ютясь в коридоре.

Процесс начался с ходатайства стороны защиты об отводе представителя потерпевшего (так в деле именуется Рамзан Кадыров) Андрея Красненкова.

«В предварительном следствии Красненков неоднократно допрашивался, и его показания включены в перечень доказательств, которые подтверждают обвинение. Протоколы его допроса озаглавлены как протоколы допроса представителя потерпевшего. Но Красненков допрошен по процедуре

АЛЕКСАНДР ДАНИЭЛЬ: У СТЕН ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ ОБНАРУЖЕНА ПЕРВАЯ МОГИЛА ЖЕРТВ «КРАСНОГО ТЕРРОРА»

Останки более ста человек со следами пулевых ранений обнаружены этим летом на Заячьем острове в Санкт-Петербурге, у стен Петропавловской крепости. Предварительное заключение экспертов: эти останки датируются «первой четвертью XX века». Международное общество «Мемориал» готовит обращение к президенту РФ Дмитрию Медведеву с призывом придать федеральный статус исследования и мемориализации местности между стеной Головкина бастиона и Кронверкской протокой. Член Правления Международного «Мемориала» Александр Даниэль рассказал корреспонденту «30 октября» о принципиальной важности находки. По его мнению, одна из обнаруженных могильных ям, скорее всего, является захоронением самых первых жертв террора.

– Этот вопрос требует дополнительного исследования, – поясняет Даниэль. – Чтобы проблема была понятнее, давайте немного коснемся обстоятельств, при которых могли расстрелять людей, погребенных в этой яме.

Вечером 28 октября 1917 года, то есть через три дня после большевист-

ского переворота, в Петрограде началось восстание. Это восстание было организовано Комитетом спасения Родины и революции – организацией, созданной Петроградской городской думой и штабом Петроградского военного округа, и в нем участвовало несколько юнкерских училищ Петрограда. Основные бои развернулись 29 октября. Наиболее ожесточенное сопротивление большевикам оказали воспитанники Владимирского военного училища.

Здание училища, находившееся на Петроградской стороне, осадили красногвардейцы и матросы. Взять его им удалось только с помощью артиллерии. Подтянутое к училищу трехдюймовое орудие было прямой наводкой, и многие юнкера погибли еще во время обстрела. Кроме того, около 70 человек красногвардейцы расстреляли и закололи штыками на месте, когда ворвались в полуразрушенное здание училища. Остальных юнкеров красногвардейцы взяли в плен и отправили под конвоем частично в Кронштадт, частично в Петропавловскую

крепость. По дороге нескольких человек из них охранники закололи штыками или застрелили – факты самосудов зафиксированы в ряде источников. Но расстрелы продолжались и в самой крепости в тот же день, а из некоторых источников можно понять, что и на следующий. Согласно информации, поступившей в Петроградскую городскую думу, всего в Петропавловской крепости было расстреляно 18 человек.

Вот останки этих-то юнкеров, по всей видимости, и были обнаружены в ходе раскопок летом 2010 года.

– На чем основана версия, что в этой могиле были погребены юнкера?

Что, собственно, удалось найти?

– В яме нашли останки 17 человек и фрагменты военной формы: ко-

В НОМЕРЕ:

Поражение в правах



с. 2

«Око государева» усилило
бдительность



с. 3

История и образ истории

с. 4

Рассказ о капитане Бачманове



с. 6–7

Борис Золотухин: никому и в голову
не приходило на меня давить

с. 10

Руководитель Норильского
восстания Владимир Недорostков:
демо-край, поэт, бунтарь

с. 11

карды, погоны, значки. По предварительной оценке, это форма именно юнкеров Владимирского училища. Конечно же, эти данные должны официально подтвердить специалисты, но она, на мой взгляд, более чем вероятна. Если идентификация фрагментов формы как принадлежащей владимирцам будет подтверждена, то возможны всего четыре гипотезы.

Первая – это самосудная расправа конвоиров, которые расстреляли часть пленных по дороге в крепость. Маловероятно: вряд ли они стали тащить трупы расстрелянных в Петропавловку, чтобы там их закопать. Ведь с другой группой юнкеров, расстрелянной в центре города, у Полтавцева моста (вероятно, их взяли в плен у Инженерного замка или на телефонной станции там тоже шли бои) поступили просто: их тела сбрасывали в Мойку.

Окончание на с. 8 >

Места памяти

Один из важных вопросов, который возникает, когда мы обращаемся к школьникам и молодым, заключается в следующем: какие у наследства механизмы передачи исторической памяти, зачем и почему нам вообще ее надо передавать, какой в этом смысл?

И второй вопрос — какими способами и методами можно память передавать, если вообще ее можно передавать, и как ее визуализировать? Тут возникает очень важная тема — о роли свидетеля и свидетельства, ведь если мы говорим о памяти, то не можем не говорить о носителях этой памяти.

Этот семинар посвящен памяти о голоде голodomоре, и в данном случае тоже встает вопрос — а в каких формах сегодня эта память существует? В какой мере еще жива колективная память об этой страшной трагедии, в каких формах она существует и во что превратится эта память после ухода свидетелей? Удовлетворят ли тех, кто работает с молодежью: учителями, журналистами, СМИ — те формы памяти, которые возникли?

Именно поэтому я решила говорить о роли и значении свидетеля. Потому что примерно в 70-е годы прошлого века западноевропейские историки с этой проблемой столкнулись, когда всерьез задумались о формах передачи памяти. Ведь как выстраивалась историческая картина ее этого? Где там было место человеку, человеческой памяти, свидетелю и свидетельству? На самом деле, этого места не было и не было доверия к тому, что может дать свидетель, не было его у историков и профессионалов, кстати, у музеевщиков, у всех тех, кто визуализировал память. Почему этот вопрос встал? Он встал от бессилия историков перед масштабом тех трагедий, которые обрушились на человечество XX века, — уничтожение миллионов людей в течение короткого отрезка времени. Можно ли это передать и каким образом это можно передать? Этот вопрос не мог не встать.

Конечно, в этой ситуации в лучшем положении оказывались художники, потому что у них есть образный инструментарий, который позволяет эту немоту каким-то образом изобразить и преодолеть. Такие примеры есть. Самый, может быть, наглядный — это пример Варлама Шаламова. Ведь с передачей памяти о Гулаге возникает та же проблема — у нас нет его визуализации. Вся наша страна была покрыта лагерями, но у нас есть один-единственный музей на месте памяти — в Пермь-36, который все-таки мало что передает, это не Колымы 1938 года. У нас не только нет сохранившихся мест памяти, у нас нет и документальных съемок и фотографий. В Германии в 60—70-е годы начали очень активно пользоваться фильмами, которые снимали американцы, когда они освобождали нацистские концлагеры. Кроме того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Каков был наш советский ответ на эти массовые трагедии? Он был монументально бесчеловечным, если мы вспомним огромную руку на Мамаевом кургане, вспомним гигантские «родины-матери». Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы. А вот фотографий, которые визуализировали бы то, что происходило с людьми в Гулаге, у нас нет.

И тут мы опять возвращаемся к тому, что очень сильно связано со свидетелем, — это места памяти. В ГДР, например, в конце 50-х были созданы всем известный мемориальный комплекс, который в те времена стал главным местом памяти о преступлениях нацистов в Восточном блоке, — мемориальный комплекс в Бухенвальде. По тем временам это было даже современно решенный памятник узникам. Но все же свидетеля, узнику там не было, и память была цензурированной и урезанной. Но и в Западной Германии столкнулись с теми же проблемами — в Да-

ху, например, где немного осталось от атмосферы концлагеря. А сегодня это тем более выглядит странно — все вылизано, газоны пострижены, солнышко светит, все очень аккуратно. И никак не передает страшной атмосфера концлагеря.

Что с этим делать? Некоторые западные философы и историки об этом задумались сразу после войны. Немецкий философ Теодор Адорно написал знаменитую фразу о том, что нет истории после Освенцима. Что он имел в виду? Его слова знали, что у историков нет способов передачи этого ужаса. Это в полной

Как «оживить» музейные экспонаты?

Теперь несколько слов о свидете и роли свидетеля. Мы прекрасно знаем, что когда эта фигура возникла, то возникли сторонники и противники фигуры свидетеля. Противники говорили о том, что память субъективна, изменчива, что люди включают в нее куски чужой коллектива памяти о репрессиях, о памяти, что она формируется под влиянием фильмов, книг и общего культурного контекста. Что, говоря о трагедиях, мы имеем дело с живыми людьми и не можем спро-

ращаться к больной для нее теме, но мы видим сегодня, что ее слова превратились в формальный лозунг, оторванный от индивидуальной памяти.

Воздух как панацея от травм

Историческая работа с молодыми сейчас очень трудна. Это совсем не так, как было раньше, когда мы жили в пространстве еще довольно живой коллективной памяти о репрессиях, о памяти, что она формируется под влиянием фильмов, книг и общего культурного контекста. Что, говоря о трагедиях, мы имеем дело с

постоянное чувство голода, — гораздо труднее. Еще несколько слов, почему голод — это гораздо более трудная тема. Она связана с физиологией, потому что сопротивляться в ситуации, когда человек голодает, чрезвычайно трудно. Можно много приводить свидетельств, например, у нас в «Мемориале» есть запись рассказа женщины, которая попала из «обычного» рабочего лагеря в ад Освенцима, и она говорила, что в обычном лагере был голод, но она еще могла плавать. «А в Освенциме?» — задал ей вопрос. Она сказала, что ничего не помнит, она помнила только, как ей номер делали. Плакать смогла только через два года. Это такое физиологическое разрушение сознания, о котором пишет, например, Шаламов.

Недавно я прочитала где-то,

что очень полезно голодать перед экзаменами, потому что голод способствует яркости образов и мышления, и расмягчает, чтобы было не до смены. Поэтому что голод фокусирует сознание на выживании настолько сильно, что подавляет другие эмоции и память. Эти размышления есть у профессора Выготского, который очень много думал о механизмах детской памяти, о том, что на нее влияет, как настоящий голод влияет на память.

Почему очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю: процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то визуализировать не связаны с количеством мозга. Сейчас, например, все новые памятники, посвященные Холокосту, строятся на человеческой биографии: ты входишь в пустое пространство, где тебе называют имена и читаешь биографии людей. Ты выходишь и оказываешься на карте, где с тобой тоже говорят, и на этой карте возникают конкретные портреты — не памятники, не мемориальные доски, а реальные люди с их биографиями. Поэтому в музеях освобождают пространство, оно перестает быть переполненным разного рода предметами, документами, сводками и статистиками. В них помещают воздух, потому что этот воздух, которым окружены люди, должен дать возможность эмоционального восприятия того, что эти люди пережили.

Я должна сказать, погружаясь в работы, которые приходят на наш школьный исторический конкурс «Человек в истории», что эти две травмы очень сильно сопрягаются друг с другом в семейной памяти. Тот, кто с этим сталкивается, понимает, о чем я говорю. Если школьник пишет об истории своей семьи в ХХ веке, то было ни одной работы, где бы не рассказывалось о пережитом голоде.

В школьных работах встречаются бесконечные рассказы бабушек и прабабушек о том, что люди употребляли в пищу. Такое не приснится ни одному европейскому человеку.

Кстати,

ИСТОРИЯ И ОБРАЗ ИСТОРИИ

«30 октября» предлагает читателям ознакомиться с докладом руководителя молодежных программ Международного «Мемориала» Ирины Щербаковой, прочитанным на первом международном семинаре нового проекта «Клиоптерапия», изучение истории на постсоветском пространстве как путь к пониманию и сотрудничеству. Выступление было посвящено проблемам визуализации памяти и роли свидетелей в истории.



мере относится к тому, о чем мы говорили. Где эти способы? Что можно сделать? Быть может, такие возможности есть у художника, а что делать историку? И в Германии это тоже было — историческая картина ее этого? Где там было место человека, человеческой памяти, свидетелю и свидетельству? На самом деле, этого места не было и не было доверия к тому, что может дать свидетель, не было его у историков и профессионалов, кстати, у музеевщиков, у всех тех, кто визуализировал память. Почему этот вопрос встал? Он встал от бессилия историков перед масштабом тех трагедий, которые обрушились на человечество XX века, — уничтожение миллионов людей в течение короткого отрезка времени. Можно ли это передать и каким образом это можно передать?

Этот вопрос не мог не встать. Конечно, в этой ситуации в лучшем положении оказывались художники, потому что у них есть образный инструментарий, который позволяет эту немоту каким-то образом изобразить и преодолеть. Такие примеры есть. Самый, может быть, наглядный — это пример Варлама Шаламова. Ведь с передачей памяти о Гулаге возникает та же проблема — у нас нет его визуализации. Вся наша страна была покрыта лагерями, но у нас есть один-единственный музей на месте памяти — в Пермь-36, который все-таки мало что передает, это не Колымы 1938 года. У нас не только нет сохранившихся мест памяти, у нас нет и документальных съемок и фотографий. В Германии в 60—70-е годы начали очень активно пользоваться фильмами, которые снимали американцы, когда они освобождали нацистские концлагеры. Кроме того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Каков был наш советский ответ на эти массовые трагедии? Он был монументально бесчеловечным, если мы вспомним огромную руку на Мамаевом кургане, вспомним гигантские «родины-матери».

Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Каков был наш советский ответ на эти массовые трагедии? Он был монументально бесчеловечным, если мы вспомним огромную руку на Мамаевом кургане, вспомним гигантские «родины-матери». Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

Когда того, нацисты сами любили фотографировать, есть много фотографов, которые изображают и преодолевают эти проблемы.

ским опросам прошлого года, только 1% опрошенных сказали, что он помнит начало 30-х годов, раскулачивание и голод, это чрезвычайно маленькая часть населения. А большинство называет в качестве голодных лет 90-е годы. Это невероятное смешение в общественном сознании. Именно поэтому возникла, как некий скрепляющий элемент, фигура конкретного человека. Как только она возникла и как только возникли проблемы с тем, как обращаться с человеческой памятью, что делать со свидетельствами, возникло то, что имеет прямое отношение к нашему разговору. Это тема травмы. Это очень важная тема, потому что именно судьба, биография, свидетельство — это то единственное, что может дать нам представление о том, что может дать нам память на память.

Почему очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю: процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то в

изображаются

силы для всех. Мы говорим: мы люди с высшим образованием, владеющие русским языком, но не понимаем без помощи вот этих специалистов, что же сказал Орлов! Но если это утверждает обвинение, каким образом вообще могло состояться уголовное преследование? — резюмировал Резник.

Поэтому очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю: процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то визуализируются

силы для всех. Мы говорим: мы люди с высшим образованием, владеющие русским языком, но не понимаем без помощи вот этих специалистов, что же сказал Орлов!

Но если это утверждает обвинение, каким образом вообще могло состояться уголовное преследование?

Поэтому очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю:

процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то в

изображаются

силы для всех. Мы говорим: мы люди с высшим образованием, владеющие русским языком, но не понимаем без помощи вот этих специалистов, что же сказал Орлов!

Но если это утверждает обвинение, каким образом вообще могло состояться уголовное преследование?

Поэтому очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю:

процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то в

изображаются

силы для всех. Мы говорим: мы люди с высшим образованием, владеющие русским языком, но не понимаем без помощи вот этих специалистов, что же сказал Орлов!

Но если это утверждает обвинение, каким образом вообще могло состояться уголовное преследование?

Поэтому очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю:

процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то в

изображаются

силы для всех. Мы говорим: мы люди с высшим образованием, владеющие русским языком, но не понимаем без помощи вот этих специалистов, что же сказал Орлов!

Но если это утверждает обвинение, каким образом вообще могло состояться уголовное преследование?

Поэтому очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю:

процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то в

изображаются

силы для всех. Мы говорим: мы люди с высшим образованием, владеющие русским языком, но не понимаем без помощи вот этих специалистов, что же сказал Орлов!

Но если это утверждает обвинение, каким образом вообще могло состояться уголовное преследование?

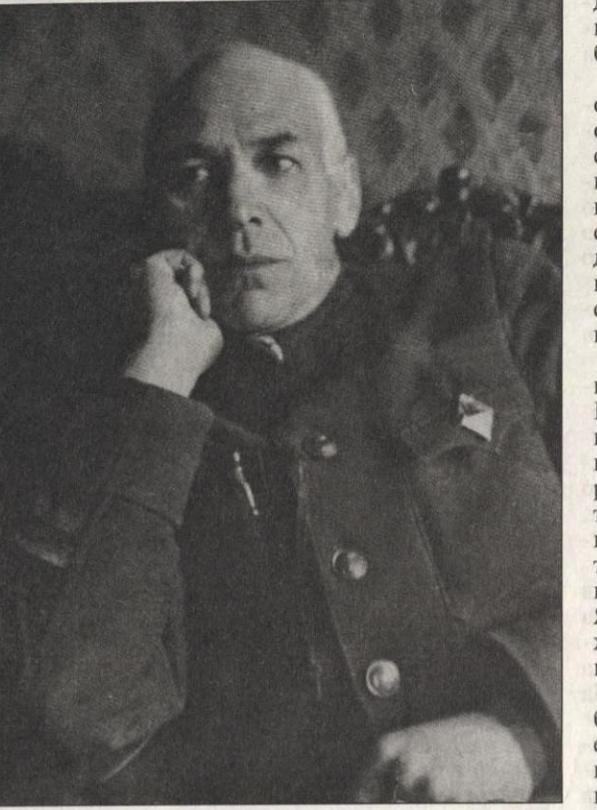
Поэтому очень трудно со школьниками об этом говорить? Я повторю:

процесс голода — физиологический процесс, удержать контроль над собой, сохранить человеческое в себе голодающему очень тяжело. Есть, безусловно, примеры самопожертвования: люди жертвуют собой, принося себя в жертву ради близких. Но есть масса совершенно других примеров, которые невозможно понять сегодняшним школьникам. Невозможно понять такую степень физиологического воздействия на организм.

Наши возможности хоть как-то в

изображаются

РАССКАЗ О КАПИТАНЕ БАЧМАНОВЕ



«Моряк профессией...»

...С детства я знала: у бабушки Кати в комнате на портрете живет мой дедушка. У всех дедушки были старыми, а мой был молодым красавцем в морской форме, и я очень его за это любила...

Историю похода в Арктику ледокола «Красин» в 1928 году все так или иначе знают (о судьбе ледокола «Красин» см. «30 октября» № 47–49. — Прим. ред.). «Красинцы» спасли участников экспедиции генерала Умберто Нобиле, по пути спасли лайнер «Монте-Сервантес» и 1800 человек на его борту и сами живыми вернулись... Потомки «красинцев» — особенно те, кто не застал в живых своих легендарных предков, — хранят и ценят все, что помогает представить человека живым и близким.

Родился мой дед Борис Михайлович Бачманов в 1893 году в Кронштадте. «Гений места» немало значит в судьбе человека. Родившемуся в Кронштадте мальчишке трудно не думать о море. Коллекция открыток с изображением знаменитых кораблей Русского флота собрана Борисом Бачмановым в 1904–1905 годах, ему одиннадцать лет. Знаменательно, что роман Джека Лондона «Морской волк» увидел свет тоже в 1904-м...

Трудовую биографию Борис начал в 1908 году учеником в ремесленной мастерской, по окончании реального училища в 1910-м поступил учеником на пароход «Юнона», затем служил на пароходах Русского общества пароходства и торговли — рудным, матросом, бомбардиром. В 1916 году он закончил Петроградское училище дальнего плавания императора Петра I. В аттестате почти все оценки — «отлично».

Первая мировая война. В военную службу на флоте Борис Бачманов вступил юнкером школы прaporщиков флота, в том же 1916-м его произвели в подпоручики по Адмиралтейству; он стал капитаном парусно-моторного катера «Абрамс» на острове Эзель (ныне Сааремаа) в Рижском заливе, там же командовал Центральной станцией связи «Аренсбург».

В Аренсбурге до сих пор сохранился Епископский замок XIII века, а город ныне называется Курессааре. Там построены темперные аркапарк и спа-комплекс...

В августе 1917-го при налете германской авиации Бачманов был ранен, получил газовое отравление и тяжелую контузию. У него на глазах погибли или были страшно искалечены многие его товарищи... После медицинского освидетельствования дела комиссии, и ему пришлось на

год расстаться со службой. Работал журналистом и заведовал пакетным отделом в Петроградском морском отделе. Ранение и ужасы войны отразились на его здоровье, но именно в это время из-под его пера стали выходить стихотворения, часто сразу несколько датированы одним числом: «Воспоминания эзельца к его падению» (защитник Ирбена), «Морякам» и лирические, посвященные жене Кате. И очень точно о себе:

Се человек — Бачманов
тленный,
Моряк профессией,
Идеалист в душе,
Во флоте офицер,
На берегу — мечтатель...

Некоторые стихотворения написаны от имени «бывшего моряка», а в ту пору ему всего-то двадцать пять лет. Но многое уже было пройдено и пережито. Недаром в книгах о походе 1928 года «красинцы» то и дело называют своего тридцатипятилетнего сослуживца «старый моряк», «седой моряк».

По рассказам моей мамы, младшей из трех дочерей Бачмановых, Бирюковой Киры Борисовны (1925 г.), большая стопка рукописей была в углу кабинета в квартире на проспекте Пролетарской Победы, 88а (ныне Большой проспект Васильевского острова). Кое-что из изданного я нашла в Российской национальной библиотеке. Сохранился его книга «Лыда Финского залива», — настоящая позма о лыдах и ода штурманской работе. Все примечательные зимние плавания на «Ермаке», «Святогоре», «Красине», «Ленине» (бывший «Александр Невский») описаны там. Вот парадокс: любым времяпрепровождением Бориса Михайловича было решением математических задач, тайной вот вид отдыха; и профессия была сложена из точных наук, и книжка о серебряных вещах — о практике судовождения, о ледокольном деле, а какой романтикой овсияна!

История похода «Красина» стала частью истории семьи. Архив Бориса Бачманова и его большой библиотеке были утрачены для семьи в 1938-м, но счастье, что бабушка, мама и ее сестры сохранили хотя бы крошки. И сохранили и передали главное — память.

На ледокол «Ермак» Бачманов поступил в 1919-м, но целиком и с любовью отдал ее себестоимому флоту в 1922 году, став на «Ермаке» вторым помощником капитана, а с 1923 по 1929 год его жизнь связана с ледоколом,

ными мягкими. «Мягкий, отзывчивый, большой душевности человек», — пишет Миндлин. Однако в гневе, — вспоминает мама, — был страшен». Верна английская поговорка: «Бойся гнева терпеливого человека».

Друг

Бориса Бачманова врач

Антон Средневский отправился в поход на «Красине» судовом вра

чом. Другой его товарищ, художник Чикин, написал после похода картину «Красин во льдах». Семья ждала на берегу; нечастые радиограммы были им подмогой в этом ожидании. Нечастые, потому что радиограммы в правительственный комиссии по спасению экспедиции Нобиле, репортажи журналистов — все было «очень», и радисты работали, как и вся команда, без сна и отдохна. А экспедицию «к земле неведомой вела отважная рука над бездной водой».

«... Особое «путешествие»

ощущение в арктических краях — ощущение столь необычное, что стоит лишь раз там побывать, воспоминания о нем преследуют вас всю жизнь, — в значительной степени связано с постоянным дневным светом... После месяца или двух глаза устают... и ты постепенно, какая успокоятельная вещь — наша темнота...»

...5 октября 1928 года «Красин» вернулся в Ленинград. Екатерина Васильевна и дети впервые еле пробрались через запруженную горожанами набережную на корабль. Трехлетнюю Киру подхватили на трапе чьи-то руки; кругом корреспонденты, все ее фотографируют, кричат «малышка!», а она — отцу: «Папа! Смотри! Я стрижка-кошечка!» — остирена была совсем после болезни.

После знаменитого похода судьба отвела Борису Михайловичу еще десять лет жизни. Он служил в 30-е годы на минном тральщике «Змей», был штурманом дивизиона тральщиков с особым заданием: командование РККА по тралению мин в акватории Балтийского моря — мин, оставшихся после Первой мировой.

Служил в Остехбюро в Ораниенбауме командиром «пытого-го» (оборудованного для проведения опытов) судна «Микула». Летом семья жила там в галереях Меншиковского дворца (как все семья сотрудников), и дочери его Нина, Вера и Кира, вылезая на доске на снег, пока снимала показания приборов (она работала на станции наблюдателем). За домом располагались пустыри, где Борис Михайлович устроил грядки; в «сельском хозяйстве» он преуспел, плоды его гордости — яблоки — становились экспонатами выставок.

По рассказам моей мамы, младшей из трех дочерей Бачмановых, Бирюковой Киры Борисовны (1925 г.), большая стопка рукописей была в углу кабинета в квартире на проспекте Пролетарской Победы, 88а (ныне Большой проспект Васильевского острова). Кое-что из изданного я нашла в Российской национальной библиотеке. Сохранился его книга «Лыда Финского залива», — настоящая позма о лыдах и ода штурманской работе. Все примечательные зимние плавания на «Ермаке», «Святогоре», «Красине», «Ленине» (бывший «Александр Невский») описаны там. Вот парадокс: любым времяпрепровождением Бориса Михайловича было решением математических задач, тайной вот вид отдыха; и профессия была сложена из точных наук, и книжка о серебряных вещах — о практике судовождения, о ледокольном деле, а какой романтикой овсияна!

История похода «Красина»

стала частью истории семьи. Архив Бориса Бачманова и его большой библиотеке были утрачены для семьи в 1938-м, но счастье, что бабушка, мама и ее сестры сохранили хотя бы крошки. И сохранили и передали главное — память.

На

Бориса

Бачманова

и

его

дочери

и

сыновья

и

внуков

и

правнуков

и

внучек

и

правнучек

и

правнуков

и

АЛЕКСАНДР ДАНИЭЛЬ: У СТЕН ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ ОБНАРУЖЕНА ПЕРВАЯ МОГИЛА ЖЕРТВ «КРАСНОГО ТЕРРОРА»

Продолжение. Начало на с. 1

Вторая версия: не все пленные конкера были освобождены через несколько дней или недель (так много десятилетий утверждали советские историки). Некоторые из них были оставлены под арестом и могли быть расстреляны когда угодно, хоть осенью 1918-го, когда начался официально декретированный «красный террор». Но — по моему, это тоже крайне маловероятно: в 1917–1921 го-дах крепость вовсю использовалась большевиками как политическая тюрьма и, конечно, узники этой тюрьмы знали друг о друге, но никто из вышедших на волю не упоминал о мальчишках-юнкерах, соде-жавшихся в крепости.

Третья версия: фрагменты формы (а следовательно, и останки) принаследуют людям, действительно со-державшимся в крепости, но арестованым позднее, не в дни восстания. И это предположение выглядит фантастично: начиная уже с ноября 1917 года невозможно пред-ставить себе, чтобы кто-то разгуливал по Петрограду в юнкерской форме с погонами!

Наконец, четвертый вариант, на который указывает ряд источников и который лично мне представляется единственно правдоподобным. Найденные останки — это останки тех самых юнкеров, которых были 29 октября взяты в плен в здании Влади-мировского училища и расстреляны в тот же день, или на следующий день, или через пару дней.

Если эта версия подтвердится, то мы сможем с уверенностью сказать: обнаружены захоронения первых жертв террора.

Разумеется, мемориализация за-хоронения на Головкина бастионе не-обходится в любом случае: ведь там расстреливали людей в течение как минимум трех с половиной лет. Но если среди прочих могильных ям там находится Первая Могила — это некрополь становится местом невероятной символической насы-щенности.

— А почему вообще на этом месте начались раскопки?

— Это долгая история. У Головки-на бастиона, а если точнее, на участке между левым фасадом бастиона и Кронверкской протокой, уже много лет находили какие-то кости. Впервые, кажется, это случилось еще в 1960-е годы, в ходе земляных работ. Но, как вы понимаете, в те времена такие находки не афишировались.

В течении последних лет события развились следующим образом. В 2006 году начали в этом районе строительство платной автострады, которая должна была обслуживать туристов — посетителей Петро-павловской крепости. В марте 2007-го в ходе подготовительных земляных работ строители наткнулись на останки двух или трех человек, совершившие очевидно — расстрелянных: сохранились характерные пуевые отверстия. Тогда эта находка наделала много шума в Петербурге. Главным образом, ажиотаж был вызван тем, что, по свидетельствам ме-муаристов, в январе 1919 года где-то здесь чекисты расстреляли четырех великих князей из дома Романовых, если не ошибаюсь, с целью «отмщения за убийство Карла Либ-кнхеца и Розы Люксембург в Берлине». 30 января 1919 года сообщение об этом расстреле появилось в большевистской прессе.

— Насколько вероятно, что великие князья были расстреляны именно там?

— Это и до обнаружения захоронения представлялось весьма вероятным. Мемуаристы указывают на

территорию Монетного двора». Но в начале XX столетия Головки ба-стии и прилегающие к нему участки считались именно территорией ста-рого Монетного двора. И место удобное, глухое, между крепостной сте-ной и Кронверкской протокой. Но, конечно, конкретные останки, найденные в марте 2007-го, могут принаследовать кому угодно в Петро-павловске казненым и «контрреволюцио-неров», содержащихся в крепости, и приговоренных к расстрелу, и за-ложниками; а иногда и из других пе-троградских тюрем привозили сюда расстреливать — об этих случаях тоже есть надежные мемуарные свидетельства. Вообще, в годы «красного тер-рора» Петровская стала одним из двух основных расстрельных поли-гонов Петро-ПК — наряду с Ковалев-ским лесом (нынешний 4-й километр Рыболовского проспекта). Так что останки, найденные в 2007 году, могут с равной вероятностью принадлежать и великим князьям, и «братьишкам-балтийцам», которых вовсю расстrelивали весной 1921-го после подавле-ния Кронштадтского восстания.

— Что происходило после марта 2007-го?

— События развивались довольно бурно. Находку сначала попытались скрыть. Но о ней стало из-вестно сотрудникам петербургского Научно-информационного центра «Мемориал», а от них — журналистам. В петербургской прессе появились сообщения, и некрополь на Заячем острове впервые стал предметом общественного интереса. В частности, Даниэль Гранин призвал губернатора Санкт-Петербурга Валентину Матвиенко приступить к строительству, организовать археологическое обследование местности и как-то увековечить память расстрелянных. Но Матвиенко ответил уважаемому писателю в довольно бесцеремонном тоне, смысл же ответа был таков: мол, никаких оснований для того, чтобы что-то делать, она не усматривает.

ИЦ «Мемориал» обратился с за-просом в ФСБ с заявлением в про-куратуру — с требованием воз-будить, согласно закону, уголовное дело «по факту обнаружения человеческих останков с признаками насилия и смерти» и провести судебно-медицинскую экспертизу. Из ФСБ «Мемориал» ответили, что никаких сведений о захоронениях на Заячем острове в их архивах нет (кто знает, может, и вправду нет). А в прокуратуре заявили, что не видят повода для возбуждения уголовно-го дела. Экспертиза все же была про-веденена, но как бы неофициальная: никаких сведений о захоронениях на Заячем острове в их архивах нет (кто знает, может, и вправду нет). А в прокуратуре заявили, что не видят повода для возбуждения уголовно-го дела. Экспертиза все же была про-веденена, но как бы неофициальная: никаких сведений о захоронениях на Заячем острове в их архивах нет (кто знает, может, и вправду нет).

ИЦ «Мемориал» обратился с за-просом в ФСБ с заявлением в про-куратуру — с требованием воз-будить, согласно закону, уголовное дело «по факту обнаружения человеческих останков с признаками насилия и смерти» и провести судебно-медицинскую экспертизу. Из ФСБ «Мемориал» ответили, что никаких сведений о захоронениях на Заячем острове в их архивах нет (кто знает, может, и вправду нет).

— А почему вообще на этом месте начались раскопки?

— Это долгая история. У Головки-на бастиона, а если точнее, на участке между левым фасадом бастиона и Кронверкской протокой, уже много лет находили какие-то кости. Впервые, кажется, это случилось еще в 1960-е годы, в ходе земляных работ. Но, как вы понимаете, в те времена такие находки не афишировались.

В течении последних лет события развились следующим образом. В 2006 году начали в этом районе строительство платной автострады, которая должна была обслуживать туристов — посетителей Петро-павловской крепости. В марте 2007-го в ходе подготовительных земляных

работ строители наткнулись на

личные вещи, которые, по словам исследователей, в отдельных слу-чаях могут даже помочь установить имена некоторых расстрелянных.

Общественная дискуссия вспыхнула с новой силой. Впервые она вышла за рамки региона: в конце ян-варя подобная статья, рассказывающая о находке, появилась в «Новой газете».

Возможно, поэтому директор Музея города в этот раз до поры до времени вел себя более коррек-тно: разрешил пригласить археоло-гов для обследования территории, оплатить их работу из фондов Музея, создать рабочую группу, куда вошли сотрудники Музея, археологи, эксперты-криминалисты, представители петербургского НИЦ «Мемориал» — Александр Марголис и Ирина Флиг. Обследование проводилось с июня по июль, и в течение этих двух месяцев одно за другим начали обнаруживаться новые захоронения.

Что происходило после марта 2007-го?

События развивались довольно

быстро. Находку сначала попытались скрыть. Но о ней стало из-вестно сотрудникам петербургского Научно-информационного центра «Мемориал», а от них — журналистам.

Яма, в которой обнаружили остатки юнкерской формы, была вскрыта едва ли не последней.

Но ведь это не все захоронение:

гранича его до конца не оконту-ры, часть могильника уходит под ас-фальт — по нему прошла трасса все к

той же окантовкой стоянке. Вот пред-ставьте себе: по трассе катят автобусы с туристами, на вопросы туристов

(«Что это там копают?») экскурсоводы из Петровской улицы и расстrelивали

капиша. Что ж, капиша так капиша;

что в этом ответе есть...

А когда закончился полевой сез-он и многочисленные находки кое-

как распихали по помещениям, а-бсолютно для камеральной работы не приспособленным (теснота, температурно-влажностный режим, совершился неподходящий для хра-нения «органики»), на совещание рабочей группы 29 сентября явился ди-ректор Музея и заявил, что никаких дальнейших раскопок в новом поле-вом сезоне не будет и вообще он эту ямку прикроет — во всяком случае, запрещает сотрудникам Музея тратить свое рабочее время на ар-хивные и прочие изыскания, связанные с расстрелями в Петровской улице. А отчего бы ему такое не заявить, если губернатор Санкт-Петербурга на Валдайском форуме, отвечая на вопрос редактора петербургской «Газеты выборчей» Адама Минхина о находках на Заячем острове, сказала буквально следующее: «Вы не в курсе, мы уже все сделали: прибрали на стено-му Петровского собора мемориальную доску, увековичивающую память четырех великих князей. Больше ничего делать не надо».

Министерство культуры, к ведению которого относятся музеи, тоже выразило горячего желания финан-сировать эту деятельность. Руководство Института археологии, финансово мне известно, неофици-ально давало понять своим сотрудникам, что вообще-то они к этим ра-ботам не имеют никакого отношения и нечего тратить время на несанкци-онированную и незапланированную институтом деятельность.

Специфика событий 1917–1918 годов такова, что именно самоду-стов становились источником «ново-го права» — «правда террора». Помимо этого, на Кронверкской протоке, где находилась Первая Могила, было много шума в Петербурге. Главным образом, ажиотаж был вызван тем, что, по свидетельствам ме-муаристов, в январе 1919 года где-то здесь чекисты расстреляли четырех великих князей из дома Романовых, если не ошибаюсь, с целью «отмщения за убийство Карла Либ-кнхеца и Розы Люксембург в Берлине».

30 января 1919 года сообщение об этом расстреле появилось в большевистской прессе.

— Насколько вероятно, что великие князья были расстреляны именно там?

— Это и до обнаружения захоронения представлялось весьма вероятным. Мемуаристы указывают на



Беседовал Бадма Бюргчев

Фото из архива газеты «30 октября»

30 октября
№ 99

ИСТОРИЯ РЕПРЕССИЙ

30 октября

№ 99

30 октября
№ 99

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Продолжение. Начало на с. 1

По его мнению, авторы пособия «стараются оправдать сталинские репрессии исторической необъ-ходимостью». Историк уточнил, что, несмотря на ранее публиковавшиеся и известные историку документы, авторы учебника пытаются снять ответственность лично со Сталиным и доказать, что «Большой террор инициирован НКВД».

Руководитель молодежных про-грамм Международного «Мемо-риала» Ирина Шербакова называ-ла идею учебника «общевойской на-ционалистической идеей»: «Были примеры с гораздо более серьезными учеными — это Германия начала прошлого века. Это не пре-увеличение. Защитники учебника Барсенкова — Вдовина говорят: у нас же плорализм. Но одно дело высказывать мнение, другое — когда это внедряется в мозги на офи-циальном уровне».

«Их учебники созданы не ком-нибудь, а профессорами МГУ, он адресован непосредственно студен-там и историкам и в придачу одобрен официальными ко-миссиями, рекомендован к ис-пользованию в вузах. Из отравлен-ной почвы может вырасти огромный ядовитый гриб», — заявила Шербако-ва в интервью изда-нию «Большой го-род».

Для социолога Анатолия Голубов-ского, выпускника исторического фа-культета МГУ и однокурсника автора учебника Барсенкова, учебное пособие стало «одним из сильнейших потрясений, испытанных за последние годы». «Это первый в нашей стране учебник, где старательно подсчитываются доли евреев во власти, среди деятелей науки и культуры, а также их пропорциональное соотноше-ние с общей численно-стью населения России».

Учебник Барсенкова — Вдовина показался социологу пропитанным духом нацизма: «Они считаю-т, что все беды, которые выпали на долю России в ХХ веке, есть следствие того, что лидеры страны были «представителями не-русской национальности», как они совершенно безграмотно пишут. В учебном тексте, который не требует ссылок, размещен абсолют-но провокационная информа-ция. Она, по большей части, не соответствует никаким историческим реалиям и взята из каких-то пропагандистских брошюр, газет, книг, которые пишут не историки, а те люди, которые являются от-кровенными ксенофобами».

Голубовский также подверг кри-тике данные из учебника о том, что 63% чеченских мужчин, призванных в армию в начале Великой Отечественной войны, «нарушали присягу и стали дезертирами»; мобилизация на территории Чечни привела к «нарушению присяги», а в результате этого, что «все беды, которые выпали на долю России в ХХ веке, есть следствие того, что лидеры страны были «представителями не-русской национальности», как они совершенно безграмотно пишут». А в каче-стве причины отмены губернаторских выборов указана необхо-димость укрепления власти», — добавил бывший сотрудник.

«Я считаю, что только бессовестные циники и злонамеренные фальсификаторы могут не упомянуть о том, что была такая трагедия, когда погибли сотни детей и женщин, которые являются от-кровенными ксенофобами», — сказа-л Голубовский.

«Я считаю, что только самое надежное оружие обще-ства в борьбе за свои интересы против интересов некоторых частных нигилистических организаций. Умение обдумывать эти факты и делать из них выводы — наш мощнейший инструмент, с которым борются всеми способами, включая многолетнюю реформу нашего образования. И мы должны быть благодарны Николаю Сванидзе за то, что он настолько яко и откры-то высветил мотивы этой деятель-

ности», — отметил Анатолий Уткин. — Извините много говоря о евреях, они идут вслед за Солженицыным, который поднял этот вопрос в знаменитом труде «Две-сти лет вместе». А вообщем это посо-бие, где идея патриотизма проходит красной нитью. Учебник проникнут любовью к Родине, патриотиз-мом, и важно, что там прослежива-ется преемственность между советской и постсоветской эпохой».

При этом, по утверждению социоло-гиста, про «Нord-Ost» хотят

«Аспект Пресс» с просьбой при-становить распространение учеб-ного пособия до устранения допу-щенной неточности». «Мы сожа-ляем о том, что приведенные нами непроверенные сведения оскорби-ли чувства ваших доверителей и стали причиной инициированной вами разбирательства», — за-тикал на заседании питбуль из письма адвокат Мурад Мусаев.

В то же время Владин в одном из своих интервью изложил свой взгляд на преподавание истории Сванидзе. 13 сентября общес-твенного слушаний «Русская история XIX века — свобода исследо-вания или свобода преследова-ния» обратились к первым лицам государства с требованием отставки Сванидзе с поста члена Общес-твенной палаты, члена Комиссии по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России при Президенте РФ и главы комиссии ОП РФ по межнациональным отношениям и свободе совести. При этом авторы обращения почему-то называли своих имен. В ответ «Новая газета» 22 сентябрь начала сбор под-писей под обращением в поддер-жку Сванидзе.

В заявлении правозащитников и общественных деятелей «Учебники не должны сеять ненависть» (под которым предлагается ставить подписи) сказано, что учеб-ное пособие «Крайне сомнительно и опасно, даже если бы было обычным историософским трудом из-вестного свойства».

«Историю, как всегда, пишут по-бедители, — продолжают

БОРИС ЗОЛОТУХИН: НИКОМУ И В ГОЛОВУ НЕ ПРИХОДИЛО НА МЕНЯ ДАВИТЬ

Известному адвокату, правозащитнику, диссиденту, инициатору судебно-правовой реформы 1990-х годов Борису Золотухину 5 июня исполнилось 80 лет. 30 июня юбиляр дал интервью газете «30 октября». Золотухин рассказал о знаменитом «процессе четырех», на котором он защищал журналиста, автора и распространителя Самидата Александра Гинзбурга.

— Борис Андreeвич, что повлияло на ваш выбор профессии адвоката?

— никаких отдельных особых событий, которые толкнули бы меня на эту «скользкую» дорогу, не происходило. Просто это юношеское стремление к справедливости, пытаться отстаивать правду, стоять за... я бы не сказал «стоять за узников и оскорблённых», нет. В то время не возникало такой идеи. Скорее, была тяга бороться с преступлениями. Поэтому в адвокатуре я пришел не сразу. Когда я поступил в юридический институт, я собиралась быть следователем, прокурором, хотел ловить преступников, разоблачать их и изобличать в суде. И в адвокатуре я пришел, поработав в прокуратуре семь лет.

— В качестве адвоката вы принимали участие в «процессе четырех» — суде над Александром Гинзбургом, Юрием Галанским, Алексеем Доброльским и Верой Лашковой. Как все началось с тем, как запомнилось?

— «Дело четырех», как этот процесс потом стали называть в диссидентской литературе, предшествует дело Синявского и Даниэля. Да и сам процесс Гинзбурга и его товарищей скоморохами подсудимыми, были неразрывно связаны с делом Синявского и Даниэля. Уже тогда, после XX съезда КПСС, создавалась такая атмосфера, я бы сказал, интеллектуального противостояния между либеральной интеллигентией и властью. И конечно, все симпатии либеральной интеллигентии были на стороне инакомыслящих.

— Какие эпизоды общения с Гинзбургом, подготовки к суду вам запомнились?

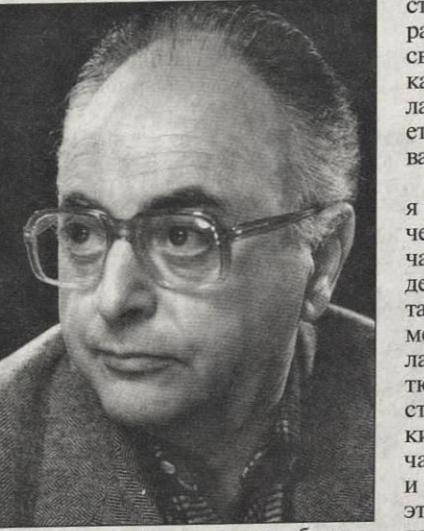
— Первая встреча с Гинзбургом, мне кажется, моему подзащитному не очень понравилась. Для того чтобы вести защиту по тем временам в полную силу, мне нужно было выяснить: не намерен ли он придерживаться в суде открытых антисоветских взглядов, антисоветской позиции, не станет ли он ее декларировать. Можем говорить по-разному о своем отношении к режиму, о конкретных его проявлениях, но не превратиться ли это в такую мощную манифестиацию, которая сделает защиту чрезвычайно трудной, а может, и совсем невозможной. И поэтому в начале нашей беседы, представившись и пожавши, что меня пригласили экспертиза. Гинзбург спросил меня: «Не могли бы вы прислать мне в тюрьму сочинения В.И.Ленина?» Не знаю как сейчас, я уже давно не занималась адвокатурой, но тогда это делалось довольно просто — времена были в чем-то довольно либеральные.

Гинзбург составил список литературы, который требовался ему для подготовки к процессу. Я попросил матушку его и невесту найти нужные книги. Они раздобыли их и отправили мне. Сначала в тюрьме что-то там не принимали, но стоило мне написать сердитые письма начальнику тюрьмы и прокурору, как все это передали.

Лингвистическая «экспертиза» указала на какие-то устойчивые словесные конструкции, повторяющиеся в «Письме старому другу» и текстах,

безудобно принадлежащих Гинзбургу, таких, как, скажем, вступление в «Белую книгу». На этом основании «эксперты» категорически утверждали, что текст написан Гинзбургом. В ответ Александр Ильич нашел приемлемым не могу ли я пристроить к нему свидание сигареты «Кэмел». Для меня это было нетрудно. Я «засадил» сигареты «Кэмел» в пачку из под каких-то «шахтерских», не помню, каких именно, сигарет и пришел на свидание в Лефортовскую тюрьму. И меня, малого коллегу, тоже хотел от этого отградить.

А спустя какое-то время возникло дело Гинзбурга. Нужно сказать, что в то время между мной, Диной Исааковной Каминской, ее мужем адвокатом Константином Симисом, Самсоновым и еще несколькими адвокатами сложились тесные отношения.



Борис Золотухин

ствие, конечно, знало, чем мы собираемся заниматься. Хотя, по закону, свидание между подсудимым и адвокатом происходит наедине и предполагается, что никакая власть не имеет права вторгаться, слушать, записывать и так далее.

Наедине значит наедине. Прихожу я в Лефортовскую тюрьму в назначенный день, когда мы наметили начать работу над экспертизой, и прошу дежурного по следственным кабинетам выделить мне кабинет и привести моего подзащитного. Обычно это делалось в течение 30 минут. Наследение тюрьмы тогда было невелико, следственные кабинеты достаточно: такие маленькие клетушки, где встречаются с заключенными адвокаты и иногда — следователи. На первом этаже, по-моему, это все располагалось. Не дают мне кабинет, не ведут моего подзащитного, проходит полчаса, я обращаюсь к дежурному: в чем дело? «Готовят вам помещение. Сейчас сложилось очень с кабинетами». Я вижу, что, кроме меня, никого нет из адвокатов, какая может быть сложность с кабинетом? Часа полтора, наверное, прошло. «Все, кабинет готов, Пойдемте». И вот, вместо того чтобы вывести меня в привычную для борьбы в суде, настроение поддерживал боевое.

Еще один любопытный эпизод — обвинение Гинзбурга в составлении текста «Письма старому другу» и листовки, подписанной «Сопротивление». Следствие решило обвинить Гинзбурга, приспособив ему авторство «Письма». Если мне не изменяет память, впоследствии выяснилось, что это письмо принадлежало перу Варлама Шаламова. Кажется, так. Во всяком случае, текст был написан замечательно — автором «Письма старому другу» действительно является Шаламов, впервые это эссе было опубликовано в 1989 г. в журнале «Огонек» (№ 19). — Прим. ред.). В то время обвинению не составляло труда найти специалистов, которые дадут какое угодно заключение, приспешут авторству любого текста тому, кому нужно. Заключение лингвистической экспертизы указывало на авторство Гинзбурга. Но Александр Ильич... Я никогда не называл его Алик Гинзбург. Наконец, как-то Миронов нам сказал: «Не волнуйтесь, товарищи адвокаты, у вас появится время для подготовки. Мы удовлетворим вашу просьбу. Не меньше месяца у вас еще будет Гинзбург по сопоставлению. Такого рода перемены стали происходить, я думаю, вследствие наших усилий. А что касается какого-либо давления, то никто из нас никакого давления не испытывал». Ни Дина Исааковна — единственная беспартийная, ни мы трое — члены партии. Президиум коллегии адвокатов тоже не вмешивался в процесс. Я, кстати, был единственным из адвокатов, кто по материалам дела имел возможностьставить вопрос об оправдании. Мои коллеги этого не могли сделать, потому что Доброловский все признавал, стал говорить в этом процессе, с Лашковой тоже что-то не получалось, а у Галанского имелся один неподанный эпизод. Он продал не сам, правда, а через приятеля, небольшую сумму — 20 долларов или что-то в этом роде. Это считалось нарушением правил валютных операций и перечекивало само возможность требовать оправдания. А позиция Гинзбурга, так называемое доказательство против моего подзащитного, вся система единственно позволяла ставить вопрос об оправдании. И я об этом сказал председателю президиума, когда зашел разговор. Он ответил: «Ну что ж, хорошо. Может ставить вопрос об оправдании, раз уж такое дело». Так что о моей позиции, я думаю, они все знали хорошо: это председатель президиума, а я, как я понимал, что на этом процессе не буду участвовать, не буду участвовать в нем.

Изображение на странице 30 октября 2010 года из газеты «30 октября» (№ 99) показывает группу людей, вероятно, участников восстания в Норильске. Люди стоят на улице, некоторые держат плакаты, на заднем плане видны здания и строительство. Фото предоставлено Борисом Золотухиным.

Беседовал Геннадий Кузовкин

Фото предоставлено Борисом Золотухиным

Респ. Татарстан: Казань, Набережные Челны, с. Черемшан, Чистополь; Тверская обл.: Тверь, с. Медное; Томск; Респ. Тыва: Кызыл; Тул.: Тюменская обл.: Тюмень, Сургут, Тобольск; Удмуртская Респ.: Ижевск, с. Грахово; Ульяновск; Респ. Чакасия:

Почти шестьдесят лет ничего не было известно о судьбе одного из организаторов и руководителей знаменитого Норильского восстания 1953 года против коммунистической тирании — Владимира Недоросткова. Между тем его имя часто упоминается в сборнике «О времени, о Норильске, о себе...» (редактор-составитель Г.И.Касабова), когда речь заходит о событиях в Гарлаге. Предлагаем внимание читателей подготовленный специальным Виктором Селезневым, в котором рассказывается об основных вехах жизни этого погибшего поэта, демократа и бунтаря Недоросткова.

Свобода или смерть

...В конце мая 1953 года заключенные Норильска объявили забастовку, протестуя против расстрела своих товарищей, против невыносимых условий существования. Свыше 20 тысяч человек прекращают работу на рудниках и заводах горно-металлургического комбината и на стойках города. Более двух месяцев на башенных кранах развеваются черные флаги с красной полоской как знак траура, а на лагерных бараках руют лозунги «Свобода или смерть».

Десятки участников восстания в сборниках воспоминают «О времени, о Норильске, о себе...» (редактор-составитель Г.И.Касабова) рассказывают о тех трагических днях, о том, как безоружные заключенные оказались сильнее сталинских палачей. «Республика заключенных», как называл это время один из участников геройического восстания, фактически стала концом гулаговской системы.

Многие авторы сборников с восхищением вспоминают об одном из самых активных участников этого мирного восстания — Владимире Недоросткове. В лагере Недоростков, решительный сторонник демократии, вступил в Демократическую партию России. Владимир входил в состав русского подпольного центра, был членом забастовочного комитета 4-го лагерного отделения, его избрали одним из шести представителей заключенных на переговорах с лагерной администрацией и московской комиссией, срочно прилетевшей в Норильск для усмирения восставших.

Многие авторы сборников с восхищением вспоминают об одном из самых активных участников этого мирного восстания — Владимире Недоросткове.

В лагере Недоростков, решительный сторонник демократии, вступил в Демократическую партию России. Владимир входил в состав русского подпольного центра, был членом забастовочного комитета 4-го лагерного отделения, его избрали одним из шести представителей заключенных на переговорах с лагерной администрацией и московской комиссией, срочно прилетевшей в Норильск для усмирения восставших.

Владимир был и поэт. Тетрадка с его стихами передавалась из рук в руки, вдохновляя узников на борьбу. Впрочем, это было не первое.

Он родился в 1915 году в селе Дьяковка Комсомольского района (теперь — Краснопартизанский район) Саратовской области. Инженер-экономист с высшим образованием, а в то время вузовский диплом был еще в цене, не то что в последние советские годы. Воевал с немецкими нацистами.

Но главным врагом России Владимир всегда считал коммунистическую партию — вдохновителя и организатора массовых репрессий, голода, душителя свободы, душителя культуры своего народа.

Как рассказал в 2006 году участник Норильского восстания Льву Нетто и мне председатель совета ветеранов Дьяковки Николай Воропаев, Недоростков после войны служил на Западной Украине, захваченной Сталиным по слову с Питлером в 1939 году, сумел там установить связи с бандеровцами, и с нацистами, и с коммунистами. Опасаясь преследования госбезопасности, Владимир уехал из Львова в Дьяковку.

6 сентября 1947 года Недоростков арестованы в его родном селе. В то же время в Дьяковке были схвачены его сестра Люба и брат Алексей, школьник Виктор Переверзин, агент конторы «Заготживсырье» Роман Абубекеров, учительница средней школы Таисия Чернуха, рабочий Таловского совхоза Михаил Кудрявцев, участковый ветеринарный фельдшер Федор Черниевский, Иван Максюков, Михаил Бубликов, Михаил Вязовитин. Взяли и отчима Недоросткова — сторожа Ивана Филатова; не для того ли, чтобы извести всех родственников Владимира?

Недоростков потребовал реабилитации всех заключенных, которых виновны лишь в том, что они думают не так, как думают представители власти. Владимир удерживал от опрометчивых действий некоторых зеков, выживших в ходе восстания. Свояк Краснодарского края Соколов считался богатым, собирая большие урожаи фруктов; из самолетами отправлялся в город-герой Москву, чтобы коммунистическая столица демонстрировала всему世界у their wealth.

В 1962 году Таисия Владимировна вместе с мужем и сыном приехала к отцу на Кубань. Недоростков обрадовался гостям, водил их по ресурсам, показывал сады, плавили.

Как вспоминает Таисия Владимировна, отец очень любил петь. Самые близкие для него песни были украинские «Черные очи», «Дильюсь я на небо» и песня на пушкинские стихи «Сижу за решеткой в темнице сырой...».

Последняя — как память о датах из гулаговской проволоки.

В 60-е годы Недоростков приезжал в Дьяковку, встречался с земляками. Посыпал дочери письма, неизменно украшенные его затейливыми рисунками.

Умер один из руководителей Норильского восстания 5 июня 1968 года в селе Троицкое Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произошло из-за болезни.

Недоростков скончался в Троицке Крымского района Краснодарского края.

Видимо, это произо

1925. 8 октября

В Москве родился **Андрей Донатович Синявский**. Писатель, литературовед, общественный деятель, политзаключенный (1965–1971). С 1956 г. печатался за границей под псевдонимом Абрам Терц (рассказы, повести и эссе, которые не могли быть опубликованы в СССР, так как не отвечали канонам соцреализма). В феврале 1966 г. он вместе с Юлием Марковичем Даниэлем представил перед Верховным судом РСФСР. Впервые за много лет обвиняемые на «показательном процессе» не признали себя виновными. Синявский получил 7 лет по статье 70 УК РСФСР («антисоветская агитация и пропаганда»). С этого судебного процесса и общественной реакции на него принял вести отчет диссидентского движения в Советском Союзе. Синявский отбыл срок в мордовских лагерях. В 1973 г. эмигрировал во Францию. Умер в 1997 г.

1930. 23 октября

В ЦК ВКП(б) началось расследование деятельности группы Сырцова–Ломинадзе, одной из последних (не выдуманных органами госбезопасности) антисталинских группировок в коммунистической партии. Председатель СНК РСФСР **Сергей Сырцов** и первый секретарь Закавказского крайкома ВКП(б) **Виссарион Ломинадзе** выражали недовольство узурпацией всей власти в партии узкой группой приближенных Сталина. Их обвинили в «право-левашком уклоне» и сняли со всех постов. Ломинадзе покончил с собой в 1935 г., когда против него вновь возбудили уголовное дело. Сырцова расстреляли в 1937 г.

1935. 9 октября

В Баку родился **Илья Янкелевич Габай**. Педагог, поэт, правозащитник, один из первых участников издания «Хроники текущих событий», политзаключенный (1967, 1969–1972). В 1972 г., через месяц после освобождения Габая, арестовали его близкого друга Петра Якира. Угроза нового ареста и поведение друга на следствии привели к сильнейшей депрессии. 20 октября 1973 г. Габай выбросился с балкона своей квартиры. Прах захоронен на родине, в Баку.

1945. 24 октября

Провозглашено создание Организации Объединенных Наций. Основы ее деятельности и структура разрабатывались в годы Второй мировой войны лидерами стран антигитлеровской коалиции. Название предложил президент США Франклин Делано Рузвельт. В Устав ООН было включено положение о том, что международное сотрудничество должно осуществляться «в поощрение и развитие уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии».

1950. 1 октября

Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла приговор по делу, ко-

торое вошло в историю как «ленинградское». В тот же день были расстреляны председатель Госплана СССР **Николай Вознесенский**, председатель Совмина РСФСР **Михаил Родионов**, секретарь ЦК ВКП(б) **Алексей Кузнецов**, первый секретарь Ленинградского обкома и горкома **Петр Попков**, второй секретарь Ленинградского горкома ВКП(б) **Яков Капустин**, председатель Ленгорисполкома **Петр Лазутин**. Именно ради «ленинградцев» в СССР 12 января 1950 г. вновь вводится отмененная в 1947 г. смертная казнь. После приговора Военной коллегии и расправы над так называемой центральной группой аресты и расстрелы продолжились. По подсчетам исследователей, репрессивная кампания, импульсом которой стало «ленинградское дело», только в Ленинграде затронула более 2 тыс. человек.

1955. 7 октября

Приказ МВД СССР о передаче ИТЛ Коми АССР в подчинение правительства автономной республики. Это было началом децентрализации сталинской лагерной системы и предвестником ее распада.

1960. 3 октября

Суд в Ленинграде над писателем **Кириллом Владимировичем Успенским** (псевдонимом Косцинский) (род. в 1915 г.). Впервые в послесталинское время член Союза писателей, участник войны был арестован и по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», он получил 5 лет заключения и 2 года ссылки. 2 октября 1980 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. Поэта признали «особо опасным рецидивистом». Стус умер в неволе. Он скончался 4 сентября 1985 г., на второй день сухой голодовки в карцере лагера близ села Кучино Пермской области. В 1989 г. прах поэта перенесли на родину и погребаны на Байковом кладбище в Киеве. В 2005 г. Стус посмертно был удостоен звания Героя Украины.

1965. 2–4 октября

Председатель КГБ **Владимир Семицкий** и Генеральный прокурор СССР **Роман Руденко** направили в ЦК КПСС предложения о мероприятиях в отношении «крамольных» писателей: Даниэля и Синявского — судить, Тарсиса — отпустить за границу и лишить советского гражданства, изъятые у Солженицына рукописи — конфисковать. ЦК предложение утвердило, КГБ исполнило.

1970. 8 октября

Александру Исаевичу Солженицыну присуждена Нобелевская премия по литературе «за нравственную силу, перенесенную в традиции великой русской литературы». Узнав о присуждении ему премии, писатель немедленно заявил, что намерен поехать в Стокгольм и получить награду «лично, в установленный день», однако позже вынужден был отказаться от участия в церемонии, так как боялся, что назад на родину его уже не пустят. Деньги лауреату передали, но Нобелевский диплом вручили только в 1974 г. после высылки из СССР.

1975. 9 октября

Андрею Дмитриевичу Сахарову присуждена Нобелевская премия мира за «бесстрашную поддержку фундаментальных принципов мира между людьми» и за «мужественную борьбу со злоупотреблением властью и любыми формами подавления человеческого достоинства». Советская печать развернула клеветническую кампанию против Сахарова. В ответ на нее в Самиздате появились десятки писем в поддержку лауреата. Среди приветствий было и вырвавшееся из-за колючей проволоки поздравление с присуждением премии от политзаключенных мордовских лагерей.

21–31 октября

В Таллине перед Верховным судом Эстонской ССР по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде» представили Сергей Солдатов,

Артем Юскевич, Мати Кийренд, Каллю Мятик, Арво Варто. Кружок, сложившийся вокруг Солдатова, пытался выступать от имени демократов всего СССР. Эстонцы — участники кружка — надеялись придать организационные формы эстонскому национальному движению. Солдатову и его единомышленникам удалось выпустить несколько заявлений, в том числе программного характера. «Подпольщики-демократы» тиражировали Самиздат. Подготовили и распространяли несколько номеров неподцензурных журналов. Солдатова и Мятика приговорили к 6 годам заключения, Кийренд и Юскевич получили по 5 лет, Варто, которого органам следствия удалось склонить к «раскаянию», — 5 лет условно.

1980. 29 сентября–2 октября

Суд в Киеве над украинским поэтом, членом Украинской Хельсинкской группы **Василем Семеновичем Стусом**. В первый раз Стуса судили 7 сентября 1972 г., по обвинению в «антисоветской агитации и пропаганде», он получил 5 лет заключения и 2 года ссылки. 2 октября 1980 г. он был приговорен к 10 годам лишения свободы и 5 годам ссылки. Поэта признали «особо опасным рецидивистом». Стус умер в неволе. Он скончался 4 сентября 1985 г., на второй день сухой голодовки в карцере лагера близ села Кучино Пермской области. В 1989 г. прах поэта перенесли на родину и погребаны на Байковом кладбище в Киеве. В 2005 г. Стус посмертно был удостоен звания Героя Украины.

1985. 5 октября

Верховный суд Эстонской ССР приговорил лютеранского священника, автора и распространителя Самиздата **Харри Мытсника** к 3 годам лишения свободы за «антисоветскую агитацию и пропаганду». Власти вынудили священника к публичному «покаянию» и вскоре, в 1986 г., освободили.

1990. 30 октября

Открытие памятника жертвам политических репрессий (Соловецкого камня) на Лубянской площади в Москве. Этот монумент до сих пор остается главным местом, где увековечена память миллионов людей, погибших в годы тоталитаризма.

1992. Ноябрь

Части Южного фронта Красной армии заняли Крым. Окончание Гражданской войны в Европейской части России. Начало «красного террора» в Крыму. Во время разгрома армии генерала Врангеля в плен было взято 54 696 врангелевцев. Сотрудники большевистского Особого отдела Южного фронта расстреляли 12 тыс. человек «белого элемента».

1995. 14 ноября

В Тбилиси родились братья-близнецы Рой Александрович и Жорес Александрович Медведевы. В 1960-е гг. оба (Рой — историк, Жорес — физик) сыграли заметную роль в становлении Самиздата и независимого общественного движения за «социализм с человеческим лицом».

15 ноября

В Москве родился **Юлий Маркович Даниэль**. Поэт, переводчик, в 1961–1964 гг. публиковал за границей сатирические повести и рассказы под псевдонимом Николай Аржак. В 1965 г. арестован и в 1966 г. осужден вместе с Андреем Синявским. За «антисоветскую агитацию и пропаганду» Даниэль получил 5 лет заключения. Отбыл срок в мордовских лагерях и Владимирской тюрьме. Вернулся в Москву спустя 5 лет после освобождения (прожил

их в Калуге). Продолжал заниматься поэтическим переводом, публиковался под навязанным псевдонимом. Запрет «крамольного» имени был снят незадолго до смерти. В общественной активности 1970–1980-х гг. Даниэль систематического участия не принимал, но несколько раз выступал публично в защиту друзей-диссидентов. Умер в 1988 г.

1990. 11 ноября

Опубликовано обвинительное заключение по делу «инженеров-вредителей» (т.н. дело Промпартии). Им инкриминировали связь с иностранными разведками и подготовку иностранной интервенции. 15 ноября в «Правде» и «Известиях» была опубликована обличительная статья М. Горького «Если враг не сдается — его уничтожают».

25 ноября в Москве в Колонном зале Дома Союзов начался процесс Промпартии. Параллельно в столице проходит полумиллионный митинг с требованием расстрела «вредителей». По данным следствия, в состав ЦК Промпартии входили инженеры **П.И. Пальчинский** (расстрелян по приговору коллегии ОГПУ по делу о «вредительстве» в золото-платиновой промышленности), **Л.Г. Рабинович** (осужден по «шахтинскому процессу»), **С.А. Хренников** (умер во время следствия), **А.А. Федотов**, **С.В. Куприянов**, **В.А. Ларичев**, профессор **Н.Ф. Чарновский**. Главой Промпартии был объявлен профессор **Л.К. Рамзин** — директор Теплотехнического института, член Госплана и ВСНХ. Все восемь обвиняемых признали свою вину; пятеро из них (Л.К. Рамзин, В.А. Ларичев, Н.Ф. Чарновский, И.А. Калинников и А.А. Федотов) были приговорены Верховным судом СССР к расстрелу, а трое (С.В. Куприянов, В.И. Очкун и К.В. Сытнин) к 10 годам лишения свободы. Президиум ЦИК СССР по ходатайству приговоренных к расстрелу заменил им приговор на 10-летнее тюремное заключение и снизил срок наказания остальным осужденным. Всего по делам, связанным с Промпартией, было арестовано более 2 тыс. человек.

1995. 5 ноября

Учреждения, ранее именовавшиеся «изоляторами», приказом наркома внутренних дел Генриха Ягоды были переименованы в тюрьмы. Революционный освободительный пафос и риторика становится ненужными.

1996. 26 ноября

Ленинградский городской суд приговорил к лишению свободы от 2 до 7 лет членов социал-демократического кружка, который получил известность как группа «Колокол» (Владимир Гаenko, Борис Зеликсон, Вениамин Иофе, Людмила Климанова, Сергей Мошков, Валерий Ронкин, Валерий Смолкин, Сергей Хахаев, Валерия Чикагуева).

1997. 4 ноября

В СССР вышло первое периодическое издание ленинградского Самиздата — литературно-художественный журнал «Голубой бутон». Редакторы (студенты филологического факультета ЛГУ П.Афанасьев, А.Богданов, В.Пуписов) подверглись «профилактированию» (беседе с угрозами) в КГБ, издание было прекращено.

1998. Ноябрь

В Москве вышел в свет один из первых самиздатских журналов «Бумеранг». Редактор — один из активистов неформальных встреч молодежи на площади Маяковского, будущий политзаключенный **Владимир Николаевич Осипов**.

1999. 26 ноября

В СССР появилась вторая (после Инициативной группы по защите прав человека в СССР) независимая гражданская ассоциация — Комитет прав человека. Ее основали Андрей Сахаров, Валерий Чалидзе, Андрей Твердохлебов. Из всех диссидентских попыток реализовать конституционное право на объединение в ассоциацию эта стала наиболее последовательной. У группы имелись тщательно разработанные уставные документы: «Регламент» и «Принципы». В 1971 г. Комитет прав человека получил международный статус — он присоединился к Международной лиге прав человека и Международному институту прав человека (институту Рене Кассена).

2000. 4 ноября

В Свердловске был осужден историк и публицист, автор эссе «Просто существует ли Советский Союз до 1984 года?» **Андрей Амальрик**. Вместе с ним судили **Льва Убожко**, который распространял Самиздат, в том числе и работы Амальрика. Оба были приговорены к 3 годам лишения свободы. За день до окончания срока против Амальрика возбудили новое дело по той же статье — 190-1 УК РСФСР и приговорили еще к 3 годам заключения, однако под давлением международной общественности приговор был смягчен. Вместо колонии Амальрика на 3 года отправили в ссылку, в Магадан. После освобождения в 1976 г. он покинул СССР. 12 ноября 1980 г. Амальрик погиб в автокатастрофе в Испании.

2001. 21 ноября

Британское королевское общество психиатров приняло резолюцию с осуждением использования психиатрии против инакомыслящих в СССР. Советские диссиденты добились того, что незаконное использование психиатрии в СССР в политических целях стало предметом обсуждения в международных организациях.

2002. Ноябрь

Елена Георгиевна Боннер, жена А.Д. Сахарова, получила разрешение выехать за границу на лечение. Это было одним из первых симптомов горбачевской перестройки (в 1984 г. Боннер арестовали и приговорили к 5 годам ссылки).

Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал», «Московский Мемориал»
Газета издается Информационным агентством Мемо.Ру

Адрес: 127051 Москва,
Малый Каретный пер., д. 12, редакция
Тел. приемной: (495)699-1180
Тел. редакции: (495)699-6478
Факс: (495)609-0694

Газета «30 октября» зарегистрирована в Министерстве по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Рег. № ПИ 77-1783 от 29.02.2000. Газета выходит шесть раз в год. © Ссылка при перепечатке или цитировании обязательна

Сентябрь–Октябрь 2010. Отпечатано в ООО «ОМНИТРЕЙДИНГ»
119334, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 3